

Клуб рассказчиков

Андрей ЧЕРЕНОВИЧ

О ПРЕКРАСНОМ

Заряд прекрасного иной раз можно получить в самом необычном месте, когда этого совсем не ждёшь. Конечно, если вы умеете это самое прекрасное понимать и почувствовать. И такие порой события вокруг музы Мельпомены или Эвтерпы, например, развернуться могут!..

Так вот, немного об этом.

Однажды, когда я ещё учился на третьем курсе Тихоокеанского Высшего Военно-морского училища имени адмирала Макарова, занесло меня как-то в наш училищный клуб. Недавно отстроенная машина из стали, стекла и бетона возвышалась рядом с КПП – контрольно-пропускным пунктом. Так вояки называют проходную. Клуб имел два входа: с территории училища – для нас, курсантов, и с улицы – для приходивших к нам на танцы девчат. Второй вход, вполне естественно, был главным, парадным. В тот раз, о котором я веду речь, мы готовились к какому-то очередному празднику. Вместе суетились, что-то перетаскивали, устанавливали, репетировали и мы, и наши преподаватели.

Но вот все мероприятия постепенно завершились, суета пошла на убыль. Бли-

зилось время ужина, пора было возвращаться в училище. Я направился через танцевальный зал в свой спальный корпус. В конце зала, за небольшим возвышением для оркестра располагались два служебных коридора, из левого доносились звуки музыки. Там всегда стояло пианино, на котором мог потренироваться в игре любой желающий. Начальник клуба даже ворчал частенько, что инструмент периодически приходится настраивать. Вот на этом самом пианино кто-то играл.

Тихонько, чтобы не помешать музыканту, я отворил дверь и вошёл в коридор. За фортепиано сидел наш преподаватель с кафедры кораблеводства капитан 2 ранга Ямщиков. Это показалось мне довольно странным, поскольку никого из наших офицеров в подобном качестве я ещё не видел. Теперь уже не вспомню, что он играл. Что-то известное, популярное. Но это была добротная, если мне будет позволено так выразиться, музыка. Может быть, Моцарт. Или полонез Огинского. А может быть, вальс Хачатуряна к драме Лермонтова «Маскарад».

Я на цыпочках подошёл ближе, пристроился рядом, у стены, и стал слушать.

Капитан-лейтенант запаса Андрей Станиславович Черенович. Родился в Новосибирске в 1955 году. Окончил штурманский факультет Тихоокеанского высшего военно-морского училища им. С. О. Макарова. Служил на кораблях Тихоокеанского флота. В настоящее время – преподаватель морского судовождения Новосибирского командного речного училища им. С. И. Дежнёва и наш постоянный автор.

**Продолжение. Начало в № 1 (12) 2006 г., 1 (15), 3 (16) 2007 г., 1 (17), 2 (18), 3 (19) 2008 г.*

Мелодия сменяла мелодию. Ямщиков изредка бросал на меня короткие взгляды. Так, сам того не предполагая, ваш покорный слуга попал на небольшой импровизированный «концерт». Слушал я с большим удовольствием, время летело незаметно.

Но часы исправно отщёлкивали своё. Вот прозвучал последний аккорд, офицер замер ненадолго, глядя перед собою, и закрыл крышку инструмента.

Затем он обернулся ко мне:

– Вы тоже играете, товарищ курсант?

– К сожалению, нет, товарищ капитан второго ранга.

– Жаль... Но слушать вы умеете. Это хорошо. Постарайтесь не утратить эту способность в дальнейшем. Всего вам доброго!

И он протянул мне руку. Я ответил на рукопожатие и отправился в ротное помещение – время поджимало, так можно и на ужин опоздать. На душе от услышанной музыки было чисто, легко и немного грустно. Хотелось прочесть хорошую книгу или поговорить с хорошим человеком. Но я шёл к своим боевым товарищам.

Бывают прекрасные города. И одним из них, безусловно, является Санкт-Петербург – Ленинград. Сам я не имел чести посетить эту северную Пальмиру. Но те мои знакомые, что побывали в нашей второй столице, всегда отзывались о ней в самых лестных выражениях. Они говорили о граде Петра только в превосходной степени. Дома и строения Петербурга в старой, исторической его части полны изящества и аристократизма. Это – фактически город-музей. Коренных жителей Ленинграда отличает врождённая интеллигентность и доброжелательность, беседа с ними доставит удовольствие любому порядочному человеку.

Говорят, что даже перелётные птицы, мигрируя над этим городом, терпят.

Но Питер не один такой. На противоположном конце нашей великой Родины, на берегу Тихого океана вольготно раскинулся «младший брат» Петербурга – город Владивосток. Разумеется, он отстроен не с таким размахом и не столь вычурно смотрится, как первый, но и его архитектурный стиль достоин всяческого уважения, поверьте мне. Старые и даже

старинные здания, с которых начинался наш форпост на Дальнем Востоке, до сих пор смотрятся просто изумительно и вызывают искреннее восхищение. Лепнина и колонны домов, их изящные подъезды, строгая классика и даже стиль ампир – всё это вы сможете увидеть воочию, прогуливаясь по улицам, дворам и переулкам Владивостока. Когда идёшь по Светланской (Ленинской), по Океанскому проспекту или в районе мыса Эгершельд, получаешь от этой прогулки истинное наслаждение.

А здание железнодорожного вокзала! Ведь это – самое настоящее произведение искусства. Это – архитектурный шедевр.

Прочитав названия его ресторанов, невольно испытываешь к ним чувство уважения – «Челюскин», «Арагви», «Версаль». Назвать их по старой морской привычке кабаками (или, тем паче – точками общепита, по-советски), у меня просто язык не поворачивается.

Сразу в начале обучения, ещё на первом курсе меня поразила одна интересная, на мой взгляд, особенность этого славного приморского города – в центре, на Корабельной набережной, в районе 33-го – 35-го причалов всегда, в любое время суток было многолюдно. Толпа здесь не редела никогда. Ни днём, ни поздним вечером. Ни в будни, ни тем более – в праздники или выходные.

Когда я, бывало, шёл в увольнении по Ленинской около ГУМа и кинотеатра «Усури», в районе Океанского проспекта или площади Борцов революции, мне всегда приходилось пробираться в достаточно плотной толпе, лавировать, буквально протискиваться между прохожими. Двигаться можно было только в своём потоке, идти против движения было просто невозможно.

Сначала я не понимал, почему. В моём родном Новосибирске так не было, хотя он значительно больше Владивостока как по территории, так и по численности населения. Потом до меня дошло. Ведь это был самый центр большого ПОРТОВОГО города. А порты, уверяю вас, в значительной степени отличаются от остальных, так сказать «сухопутных», городов. Жизнь в порту не замирает **24 часа в сут-ки**.

Но в силу своего характера я никогда особенно не любил широкие главные улицы города с их шумом, гамом, толпами прохожих и дымом выхлопов автомобилей. Любого города, не только Владивостока. Мне всегда нравилось бродить по тихим, узким улочкам и переулкам, где мало людей и мало транспорта, где можно посидеть на лавочке тенистого дворика, пройти низкой подворотней или проходным двором.

В те времена, о которых я веду речь, недалеко от Океанского проспекта, на улице адмирала Фокина находилась троллейбусная остановка. Номер маршрута я сейчас уже не помню. На этой остановке вечером субботы и воскресенья всегда скапливалось изрядно курсантов, которые возвращались из увольнения в училище. Сколько раз стоял там и я!

Так вот, рядом с этой остановкой, в одном из домов явно старой постройки располагалась просто классическая подворотня. В ней даже сохранились створки ворот, никогда, правда, не закрывавшиеся. За этой подворотней был виден столь же почтенного возраста старый двор. И мне всякий раз так хотелось войти туда, посмотреть, что там, как там. Но повода для этого у меня не было, а без повода... Так я и не решился за все пять лет учёбы.

Но зато довольно часто, когда требовалось сократить время и расстояние, я использовал в своих прогулках один хитрый переход. Его показал мне однажды мой знакомый, учившийся на год старше. Я тогда был курсантом первого курса, он – второго. Этот переход располагался меж домов тут же, неподалёку от остановки.

Если идти от улицы Фокина в сопку, по направлению к Институту советской торговли, то можно было попасть в очень узкий проулок. Он вился между старыми домами и в нескольких местах поворачивал на 90 и даже 180 градусов. А тесен этот переход был настолько, что в одном – самом узком – его месте пройти мог только один человек. Разойтись там двум людям было либо невозможно, либо, как минимум, крайне затруднительно. Не зная, где и куда надлежит в этом лабиринте свернуть, здесь элементарно можно было заблудиться и не найти дороги.

Дома, окружавшие переход, были, насколько я помню, весьма старыми, сложенными наполовину из потемневшего от времени кирпича, наполовину – из дерева. Вторые этажи их имели балконы и балкончики, соединённые террасой, идущей вдоль всего дома, подняться на которую можно было прямо со двора по лестнице с резными перильцами. Во дворах росли какие-то чахлые деревца и кустики, меж столбов были натянуты верёвки, на которых сушилось бельё.

И я довольно часто бродил среди этой Владивостокской старины с чувством восторга и принадлежности к живой истории. С другой стороны, как мне там голову не снесли – вопрос тоже интересный. Но Бог милował.

Всё это, конечно же, существовало тогда, в начале 70-х годов. Теперь уже этого квартала, пожалуй, что и нет. Всё течёт, всё меняется, как говорили древние.

Старых улиц, домов, дворов и переулков во Владивостоке предостаточно. Конечно, если ты их знаешь. Особенно много их расположено вдоль бухты Золотой Рог, откуда исторически и пошёл сам город.

Как-то вечером шёл я по такой тихой улочке где-то в районе фуникулёра. Солнце клонилось к линии горизонта, но возвращаться в училище было ещё рано. Стоял май месяц. На левом рукаве моей голландки гордо красовались две курсовые нашивки. Прохожих не было видно, автомобили попадались крайне редко. Да ведь и улица всё же была не Ленинская и не Океанский проспект.

И вдруг я услышал музыку. Живую музыку, а не из проигрывателя или репродуктора. Кто-то играл на фортепиано. Мелодия была мне явно не знакома. В тот день стояла тихая, тёплая погода. Многие окна домов были открыты. Из одного такого окна на первом этаже и лилась эта завораживающая мелодия. Лёгкий ветерок чуть поддувал белые занавески.

Я невольно сдержал шаги и начал прислушиваться уже специально. Звуки ложились на душу плавно и безмятежно. Так, чуть покружив в воздухе, тихо и бесшумно ложится на увядшую траву жёлтый осенний лист. Мне не было видно, кто играет, я не знал, как называется

эта фортепианная пьеса и кто её автор... Но я впитывал мелодию, как высохшая губка впитывает попавшую на неё влагу. Музыка показалась мне тогда удивительно прекрасной, просто волшебной.

Услужливое воображение тут же, сходило стало резво рисовать мне небольшую комнату с потемневшим от времени аристократического вида книжным шкафом. За его стеклянными створками виднелись корешки старинных фолиантов. Здесь же, у стены стоял покрытый чёрной полировкой инструмент. За ним сидела стройная девушка, одетая с розовое платье, стянутое по талии изящным пояском. Её густые тёмные волосы были схвачены сзади голубой лентой, завязанной в красивый бант. Руки девушки, как две белые птицы, легко взлетали и опускались на клавиши. Я не видел её лица, но почему-то был уверен в том, что она удивительно красива. Красива той изящной, чуть нервной красотой, какую обладают люди, умеющие тонко чувствовать и глубоко понимать...

Это видение предстало предо мною столь живо и ярко, что я почти отключился от действительности. Для того, чтобы вернуться в нашу реальность, мне потребовалось несколько раз встряхнуть головой.

Но всё на этом свете когда-нибудь заканчивается, в том числе – и хорошее. В конце концов, я вынужден был прервать это очарование. В конце улицы показался прохожий, направлявшийся в мою сторону. Стоять под чужим окном, не понимая чего ожидать, было достаточно глупо, и я продолжил движение. Звуки музыки постепенно затихали у меня за спиной.

Надо же! Столько лет уже прошло с тех пор, а оно всё помнится...

Ну и, конечно, коль скоро мы повели разговор о прекрасном, никак нельзя не сказать хотя бы пару слов об изобразительном искусстве.

Леонардо да Винчи, Рафаэль, Т. Гейнсборо, О. Фрагонар, Д. Г. Левицкий, В. Г. Перов, Г. Г. Мясоедов, А. Шилов... Сотни известнейших имён, тысячи прославленных полотен. Всех упомянуть никак невозможно, для этого понадобятся горы бумаги.

И всё было бы просто замечательно с этим вопросом – смотри, любуйся – если

бы не одно НО. Как довольно часто бывает практически во всех сферах нашей непростой, изрядно запутанной жизни.

Но почему-то, к великому моему недоумению, галереи и музеи всего мира имеют в своих запасниках и даже экспонируют картины, назвать прекрасными которые лично у меня как-то язык не поворачивается. Символизм, импрессионизм, примитивизм, абстракционизм и ещё немало «...измов» придумано только для того, чтобы иметь возможность объявить эти «произведения» искусством.

Всё это называют «новым течением», оправдывают «новыми веяниями». Но в данном месте своих рассуждений я позволю себе привести слова из книги Екклесиаста:

– Нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: «Посмотри, вот это – новое». Но это было уже в веках, бывших прежде нас (1, 9–10).

Всегда, во все времена и среди всех народов были гении и таланты. Но были также недоучки и откровенные бездарии. И во все времена люди, не имеющие к изобразительному искусству природных задатков, не способны были рисовать прекрасные картины. Так было всегда и везде.

Но точно также всегда и везде ВСЕМ людям, взявшим в руки кисть, хотелось быть художником, хотелось славы и признания публики. В том числе – и бездарностям. А тонко и изящно рисовать они не могли. Или не умели. Что же им оставалось?

Выход для себя они нашли. Если ты, в силу тех или иных обстоятельств, не способен написать приличное полотно, назови свои «творения» новым направлением в искусстве. И убеди остальных людей в том, что, если кому-то не нравится твоя мазня, то он ничего не понимает в новом течении. Он глуп. Он – консерватор и ретроград.

Всего-то и требовалось! И только! Вовсе не надо учиться рисовать и скрупулёзно трудиться у холста. И совсем не нужен талант.

Абстракционисты, например, вообще не задумывались по этому поводу, а просто-напросто объявили, что они *так* видят действительность. Но позвольте, товарищи дорогие, *такое* видение может

Посудите сами – вот он, красавец.

возникнуть только в мозгу серьёзно больного человека.

К сожалению, эту идею подхватили многие «специалисты» – искусствоведы, критики, коллекционеры и просто люди, не чуждые искусству. Так уж не хотелось им прослыть глупыми и не понимающими «нового»!

Но и это уже было в прежних веках. Вы помните сказку великого Андерсена «Новое платье короля»? Ведь это – та же самая история. Точка в точку! Два хитрых бездельника, не имеющие никакой профессии, убедили массу взрослых людей в том, что им удалось сшить королю новое платье из новой материи. И этот новый материал, по их словам, умные люди видят, а дураки – нет. Боясь показаться глупцами, люди говорили, что видят замечательное королевское платье из новой материи. Хотя на самом деле костюм был «сшит» из того, что материей отнюдь не является – попросту из ничего. И только маленький мальчик, чей разум ещё не был искажён необходимостью подстраиваться под суровые требования практической жизни, не поверил этим аферистам.

И сегодня я вместе с тем малышом из сказки хочу громко заявить всем представителям «нового» в искусстве:

– Граждане, прекратите нас дурачить! Король-то – голый!

Кстати сказать, для того чтобы разобраться, что является настоящим искусством, а что – нет, много ума вовсе не требуется. Всё гениальное – просто и понятно.

А что нужно сделать, чтобы разобраться?

Нужно просто сравнить две картины. Например, «Семейный портрет» Антони-

са Ван Дейка и «Мальчика в красном жилете» Поля Сезанна. Или «Всадницу» Карла Брюллова и «Женщин на побережье» Поля Гогена. Ещё можно сравнить любой портрет кисти Владимира Лукича Боровиковского с портретом Антонена Пруста в исполнении Эдуарда Мане.

Впрочем, довольно примеров. Боясь утомить читателя. Подобные сравнения можно продолжать до бесконечности.

Но вы всё-таки попробуйте, сравните, покопайтесь в домашних альбомах или сходите в библиотеку – и вам **всё сразу станет ясно**.

По мне так уж лучше картины Сальвадора Дали смотреть, чем «Чёрный квадрат» Малевича. Если в картинах Дали смысл и логику отыскать непросто, так хоть нарисовано недурно. А у Малевича – ни смысла, ни красоты. Одна геометрия.

Сразу хочу оговориться: всё это – моё личное мнение. Я его никому не навязываю. И тем более ни с кем по этому поводу не собираюсь спорить. Полагаю, что споры на эту тему лишены всякого смысла.

Впрочем, не всё так уж и плохо. В России много народу рождается, есть у нас и сегодня настоящие мастера палитры. И даже – в нашем славном Новосибирске. Вы знаете, где можно найти их работы? ...Нет, не в картинной галерее...

Поезжайте на станцию метро «Красный проспект». Там для вас представится отличная возможность воочию увидеть и приобрести весьма недурные полотна. В подземном переходе и даже наверху этой станции (у Дворца бракосочетания) выставляются разные авторы, работающие в различных жанрах. И пусть не многие из этих весьма достойных художников являются членами официальных творческих «Союзов...», но по их картинам сразу видно, кто есть кто. Как сказал Михаил Афанасьевич Булгаков, Достоевский не имел членского билета, но от этого он не перестаёт быть писателем.

...Прошу прощения, что-то возникает постепенно у меня такое ощущение, будто я залез немного не в свои дебри.

И коль скоро я тут про флот пишу, постараюсь всё-таки как-то увязать вопрос о прекрасном со службой в родном ВМФ. Итак, ещё одна история из жизни.

Я всегда любил театр. Но однажды эта любовь в сочетании с ничем не прикрытыми реалиями корабельной жизни привела к несколько неожиданному результату. Было, над чем посмеяться и о чём поплакать.

Одна из баз одного из соединений флота. За бортом – июнь месяц 197... года.

В те славные времена ваш покорный слуга в звании старшего лейтенанта стоял на должности помощника командира МПК 204 проекта. На тот момент мы с оценками не ниже четырёх баллов выполнили все учебно-боевые задачи, запланированные нашему кораблю. Отстрелялись артиллерией, торпедами и глубинными бомбами. Наманеврировались от души в строях и ордерах соединения. Набрали десятки часов контакта при слежении за подводными лодками, отработали защиту корабля от ОМП вероятного противника. Морячить приходилось и в хорошую погоду, и в шторма. Так что по полной программе нахлебались солёной воды обеими ноздрями наших бортовых якорных клюзов.

И вот теперь суматошная военно-морская жизнь уже вошла в более или менее спокойную и размеренную колею – живём без особого надрыва. Наши основные задачи дня: редкие плановые и весьма частые неплановые выходы в море, очередное дежурство корабля в ПУГ (поисковой ударной группе), дежурство офицеров по дивизиону и бригаде, хождение в патрули и в караул на гарнизонную гауптвахту.

Жена с сыном на лето улетела на материк – ребёнку нужны солнце и витамины. Да и родители соскучились. Я же, как и все военморы, службу правил – уже месяц крутился за командира. Наш командир, Семёнкин Леонид Михайлович догуливал на тот момент свой очередной отпуск.

А надо вам сказать, товарищи дорогие, что служба на противолодочном корабле постоянной боевой готовности, который входит в состав столь же противолодочного соединения, очень мало похожа на тихое вечернее чаепитие с вареньем из ягод чёрной смородины в гостях у милой бабушки. В такой службе дури – самого разнообразного вида и свойства – значительно больше, чем в головах у всех бабушек, вместе взятых.

Дважды в сутки я вместе с остальными командирами или старпомами (если их командир в отпуске или командировке) являлся на доклад к комдиву в тактический класс дивизиона. На доклад нужно идти по береговой черте – по отливу, как мы говорили – на соседний пирс. Впрочем, дорога эта не столь уж и длинна. Первый доклад – после подъёма на кораблях военно-морского флага, второй – в 17 часов. В назначенное время все командиры (или замещающие их помощники) входили в тактический класс и рассаживались за столами. Затем в порядке очерёдности отчитывались за свои боевые единицы – запасы, состояние оружия и технических средств, наличие на борту членов экипажа и много кое-чего ещё интересного по той же части. Здесь же присутствовали и дивизионные специалисты – штурман, артиллерист, минёр, ну и так далее.

Но ваше систематическое личное присутствие на подобного рода докладах – удовольствие, надо признать, значительно ниже среднего. Лучше в море пару недель проболтаться, чем на одно такое мероприятие сходить. Сейчас объясню, почему.

Доклады принимал командир дивизиона капитан 3 ранга Бзиконов Вячеслав Никифорович. Этот шуплый офицер с длинным носом и вечно слюнявыми губами за некоторые, так сказать, *особенности* своего характера был прозван на кораблях дивизиона «гнусом». Как я уже упоминал прежде, прозвища на флоте просто так никому не дают. На этих докладах комдив изощрялся в полном соответствии со своей неофициальной характеристикой – такое иной раз о себе или о сослуживцах с соседних бортов услышать доводилось!

Конечно, среди командиров всякие офицеры попадались. Были такие, которым нужно расти, очередное воинское звание получать. Они Вячеславу Никифоровичу в рот заглядывали и всё от него стерпеть готовы были. А куда денешься? Представление на звание или на новую должность именно он подписывает. Хотя молодые командиры тоже разные бывают.

Но рядом с ними сидели и старые, заматерелые «морские волки», бока которых плотно обросли многолетней ракушкой. Слой за слоем. Об них, если что,

вполне можно было и зубы обломать. Эти командиры, вполне естественно, вели себя более независимо, так как кораблями командовали уже далеко не по первому году, а в адмиралы не рвались. Они вполне могли в ответ комдиву и рыкнуть. Бзиконов был не дурак, отлично всё это понимал и всё это в процессе службы учитывал.

Моё же «водоизмещение», по сравнению с ними, понятное дело, было значительно меньшим – возраст, воинское звание, занимаемая должность. Поэтому именно мой корабль значительно интенсивнее остальных подвергался различного рода проверкам. Эти проверки неизбежно влекли за собою кучу дурных вопросов, на которые мне чаще, чем другим офицерам, приходилось давать кучу дурных ответов.

Вы знаете, извращённое по той или иной причине мышление отдельных представителей рода человеческого влечёт за собою «сюрпризы», сколь неожиданные, столь же и неприятные. Особенно если они – эти самые представители – облечены реальной властью. Я уже упоминал как-то в своих записях о том, что возможность командовать другими почему-то высвобождает в душах некоторых людей самые низменные инстинкты.

Но, например наш командир, капитан-лейтенант Семёнкин, все эти игры большого воображения начальников никогда не воспринимал всерьёз. То есть ко всей этой возне, должностующей обозначать рьяную служебную деятельность, он относился достаточно спокойно, по-философски. Да он, пожалуй, и был самым настоящим флотским философом. Такие сентенции иной раз выдавал – только успевай за ним записывать. Подобных ему в этом отношении офицеров я более не встречал за всё время своей службы.

Но об этом – о философии и фило-софствовании Семёнкина – как-нибудь в следующий раз, если вам интересно будет. Сейчас же я позволю себе привести здесь всего лишь пару характерных примеров из жизни по этому поводу.

Возвращаясь с докладов, наш командир запросто мог «вставить» всем офицерам с истинно сибирским размахом, но иной раз мог и просто пошутить. Реакция Леонида Михайловича зависела от его настроения, а не от того, что ему начальники наговорили.

Вот командир вернулся с доклада, отсидев в тактическом 70 минут. На корабле идёт ужин. Семёнкин заходит в кают-компанию:

– Приятного аппетита!

Проходит и садится на своё место. В кают-компании любого корабля за каждым офицером закреплено его личное персональное место. Вестовой наливает командиру первое, тот начинает кушать. Мы ждём, что скажет командир.

Оглядев исподлобья присутствующих, с хитринкой в глазах Леонид Михайлович изрекает:

– Ну что, товарищи офицеры. Сегодня нас на докладе поощрили, – пауза.

Семёнкин молча продолжает хлебать суп. Мы ждём. Не выдерживает молодой механик, в процессе службы его лишили пока ещё не всех иллюзий:

– Как поощрили, товарищ командир?

– Нас сегодня не наказали.

Недоумённый взгляд командира БЧ-5.

– И ещё, мех, лично для тебя. Можешь выпить второй стакан компоту. А как придёшь домой, возьми конфетку на шкафе. Помощник, расписывай сходы. Я сегодня на корабле сижу.

Сдержанные улыбки офицеров. Хоть и небольшая, но всё же – эмоциональная разрядка.

В другой раз Леонид Михайлович приходит с доклада совсем поздно. Глаза его блестят; чуть-чуть, самую малость, ощущается лёгкий выхлоп. Видно, что командир слегка подшофе. Видимо, заходил к кому-то на корабль. Делится со мною последними новостями:

– Ну, помощник, вь...ли мне сегодня – по самые жабры. Ёп... тап... тудап! Потом ещё выговор объявили... Трах... та-ра-рах! Сто двадцать седьмой. Да и ... с ним, с выговором-то. Ты знаешь, после девяносто второго реакция на них пропадает. Какая мне половая разница, сто двадцать шестой он у меня или сто двадцать сеждьмой? Плевал я на него с глубокого фонаря! И пошло оно всё в... ! Слушай, помощник, у тебя «шила» в за-начке не осталось?

К тому же наш командир отлично умел защищать себя. Грамотно защищать. Так, чтобы тебя не растоптали в ноль. Такое умение приходит только с годами службы и далеко не к каждому офицеру. Леонид Михайлович же был способен поста-

вить на место любого начальника, в любом звании и на любой должности. Если хотел этого. Я лично видел, как отскакивали от него, наподобие мяча от стенки, старшие офицеры штаба флотилии. Бзиконову он был просто не по зубам. А начальника штаба дивизиона – командира корабля в недалёком прошлом – Семёнкин вообще называл на «ты» и «Вася», подшучивал над ним, а при случае мог и послать куда подальше.

Я же, в отличие от своего командира, опыта такого ещё не приобрёл и защищать себя в те далёкие времена пока не умел. Поэтому и реагировал на все эти разносы соответствующе – заводился с пол-оборота и злился вполне искренне. Бзиконова это, видимо, забавляло. Да ведь и не я один находился в таком положении – рядом со мною служили другие старпомы и молодые командиры. Для комдива эти доклады были чем-то вроде бесплатного цирка в серой суете противолодочных будней. Домой он почему-то никогда не торопился.

Но всё это как-то понемногу уже начинало мне надоедать.

И вот однажды в городе, когда я в очередной раз отправился в штаб соединения сдавать зачёты на допуск к самостоятельному управлению кораблём, на глаза мне попала афиша, сообщавшая о том, что к нам на гастроли приехал Хабаровский драмтеатр. Среди его постановок значилась и «Мария Стюарт» Шиллера. Мне очень нравилась эта пьеса; ещё в бытность мою курсантом я смотрел её во Владивостоке.

Наш корабль не стоял тогда в дежурстве, выходов на ближайшие несколько суток не намечалось, к тому же у нас был разобран носовой ДГ (дизель-генератор). Так что у меня появлялась вполне реальная возможность приобщиться к мировому театральному искусству. И я принял решение: не откладывая дела в долгий ящик, зашёл в кассы театра и приобрёл себе билет на завтрашний спектакль.

Но, товарищи дорогие, решение-то решением...

Хотя в моём портмоне уже лежал купленный билет, вместе с тем я вполне отдавал себе отчёт в том, что отпроситься у комдива в театр – задача, заранее обречённая на провал. Мой жизненный и служебный опыт мне это подсказывал. И что-

Перекрёсток улиц Ленинской и 25-летия Октября. Обратите внимание на архитектуру домов. Это – самый центр города

бы всем до конца всё стало абсолютно ясно, позволю себе привести пару примеров из жизни.

Пример номер раз. Когда к Бзиконову подходил кто-либо из офицеров с просьбой остаться на берегу из-за болезни и показывал запись об этом в медкнижке, комдив обычно отвечал примерно так:

– Остаться на берегу? Ваш корабль в море выходит! Идите на корабль. Море вас вылечит!

Пример номер два. Кто-нибудь из офицеров испрашивает разрешения сходить домой днём, так как больна жена.

Вячеслав Никифорович, как настоящий отец-командир, реагирует на такую просьбу следующим образом:

– Жена больна? А вы что, доктор? Вызывайте к ней доктора. А вам – добро сидеть на корабле!

Так что вариантов у меня было немного, сами понимаете.

Но в тот раз меня крепко заклинило – я решил посетить театр во что бы то ни стало. Вопреки больному воображению идиотов всех времён и народов. Но сделать это надо было так, чтобы этот поход не повлёк за собою для меня разнос или тем более взыскание. Иначе пропадал всякий смысл. Вы помните рассказ Эдгара По «Бочонок Амонтильядо»?

Это было моим, если угодно, бунтом, против обстоятельств жизни, счастье которых нормальными и достойными порядочного человека я никак не мог. Эта была своего рода месть, которую я позволил себе и на которую у меня нашлось время. Я знал, что Бзиконова перекосит, когда он узнает, что я умудрился сходить в театр.

Нужно было срочно что-то придумать... вать...

Пишу это сейчас, вспоминаю былое и думаю: «Какой бред!» Но ведь всё это было! Всё обстояло именно так! Я ничего **не придумываю**, я просто **вспоминаю**.

Впрочем, ладно. Хватит уже эмоций. Как говорят на востоке, вернёмся к нашим баранам.

На кафедре тактики морской пехоты в родном Тихоокеанском высшем военноморском училище преподаватели учили нас: если ты не можешь наступать по прямой, ищи обходные пути. Используй складки местности, строения, лес и данные разведки. Не бывает безвыходных ситуаций. Никогда. Бывают сложные ситуации, выход из которых ты пока ещё не нашёл. Ищи этот выход и наступай!

Свой обходной путь я просчитал достаточно быстро. «Товарищи дорогие, – подумал я, – а для чего у нас на кораблях замполиты служат? Для чего нужны эти бездель..., простите – политработники? Вот для таких случаев они и предназначены. Так пусть же честно отработают свой кусок хлеба».

И мне стало совершенно ясно, как надлежит действовать.

На следующий день, часов в 12, когда комдив ушёл по делам службы в штаб бригады, я разыскал заместителя командира дивизиона по политчасти капитана 3 ранга Подолянского.

– Товарищ замкомдив, разрешите обратиться?

– Слушаю вас, товарищ помощник.

На кораблях, в плавсоставе к офицерам чаще обращаются по должности или по имени-отчеству, а не по воинскому званию. Никогда никому из нас не приходила в голову идея обратиться к Семёнкину: «Товарищ капитан-лейтенант...» Только – товарищ командир. Это – старая морская традиция. В ней есть что-то неофициальное, даже в некотором роде – семейное. По воинскому званию, как правило, обращались к тому начальнику, которого не уважали, когда хотели ему это неуважение показать. В моё время такая манера обращения существовала только в ВМФ.

– Товарищ замкомдив, прошу у вас добро на сход сегодня. Я приобрёл билет в театр, хочу посмотреть спектакль.

Вернусь самое позднее к 24 часам.

– Но вы же сейчас – за командира.

– Так точно. Но корабль не в дежурстве. К тому же я договорился с нашим замполитом, он будет старшим на корабле в моё отсутствие.

ЗКД туго замолчал. Он размышлял. Мысли, как камни в каменоломне, тяжело и гулко ворочались в его прикрытой фурагой голове. Они сталкивались и разлетались, бились о стенки черепа. Вся картина его мыслительной деятельности полностью отражалась в «зеркале его души». Наблюдать ход и направление коммиссарских мыслей не составляло никакого труда. Суть размышлений укладывалась в довольно простую схему.

Во-первых, ситуация была АБСОЛЮТНО необычной. Ещё НИКТО и НИКОГДА не обращался к Подолянскому с подобной просьбой. Это внушало уважение.

Во-вторых, он был поставлен перед фактом – билет на спектакль уже куплен. Значит, в него как политработника верили, на него надеялись.

В-третьих, смысл просьбы на 102 процента относился к его «епархии», так как замкомдив отвечал за культурно-массовую и воспитательную работу среди подчинённых ему по службе офицеров. Подолянский ощущал себя полностью в своей стихии.

Всё вроде бы складывалось таким образом, что на обращение надлежало дать положительный ответ.

Всё – да не всё. Было ещё и «в-четвёртых», весьма замкомдива смущавшее.

В-четвёртых, отпустил меня на сход, ЗКД, *если что*, принимал ответственность на себя. А вот это – принять на себя ответственность – уже совсем из другой оперы. И далеко не все начальники, уверяю вас, способны на такое. Каждый начальник думает: «Ага, принять ответственность на себя. Лихо! А вдруг?.. А если что?..»

Политкомиссар взвешивал все «за» и «против». В его душе шла битва титанов. Побеждал то один титан, то другой...

Но уже надо было как-то начинать принимать решение, нужно было что-то отвечать. Молчать дальше было просто неприлично. Как говорится, пауза затягивалась.

И вдруг товарищ Подолянский пред-

ставил себе, что о нём как идеологе и просветителе будут говорить на кораблях, если он **не отпустит офицера в театр**. Да-а-а... Неприглядная картина получалась.

А потом он представил, что будут говорить, если **отпустит**. Это было уже значительно лучше.

Мысль, нащупав правильное русло, заструилась далее. А кстати, что он сам о себе сможет сказать, если пойдёт на встречу офицеру в такой необычной просьбе? Многое сказать сможет. Где-то там, вдалеке, в туманном мареве, неясно забрезжило полузабытое слово «меценат». И почему-то захотелось стать меценатом. Хоть немного.

Всё, замкнулось. Решение, как зерно в тугом колосе, созрело и упало на землю. С необычайной важностью во взоре и голосе ЗКД родил:

– Хорошо, идите. Я сам сегодня буду обеспечивать на вашем корабле с вашим замом.

Картина была просто бесподобной! Ну, прямо – отец родной. Мне бы ещё слезу пустить.

Однако ответил я без лишней лирики:

– Спасибо, товарищ замкомдив. Разрешите идти?

– Идите.

Всё, дело сделано. Теперь можно было действовать далее.

В 15 часов, как и положено, я произвёл развод команды на работы и занятия согласно суточному плану. Затем отдал последние распоряжения дежурному по кораблю и механику, ещё раз переговорил, уточнив некоторые детали, с корабельным замполитом, Олегом Мореловым. Вечером он должен был докладывать комдиву вместо меня. В 16 часов я переоделся в тужурку и отвалил в город.

Что произошло полутора часами позже, на вечернем докладе, наш зам рассказал мне уже после моего возвращения на корабль. По такому случаю, он специально не ложился спать и дожидался меня. Постараюсь передать его рассказ близко к тексту.

«Ну, пом, ты даёшь! Я такого не видел ещё ни разу в своей жизни. Это был цирк с дикими зверями и крокодилами. Нет, я, конечно, предполагал, что на твою выходку будет реакция. Её просто не могло не быть. Но что это будет **такая** реакция...

Когда я в порядке очередности встал и начал докладывать за наш корабль, комдив сразу не врубился. Писал что-то. Потом он поднял голову от бумаг и с удивлением изрёк:

– Не понял. А помощник где?

Я ожидал именно этот вопрос и, честно признаюсь, тщательно и заранее готовился к ответу на него. Громко, чётко и внятно, так, чтобы стало хорошо слышно всем присутствующим, с выражением и сменой интонации по системе Станиславского, я ответил:

– В театре.

После моих слов в тактическом классе разразилась гробовая тишина. Прекратились всякий шёпот, возня и движение. Было слышно, как на оконном стекле бьётся и жужжит муха. Фактически. Дивмех наливал себе в стакан из графина воду. Так вот, струя воды застыла, как на скульптуре.

Ты же знаешь, у театральной братии есть термин – немая сцена. Помощник, отныне я имею полное право заявить любому человеку о том, что видел не в театре, а непосредственно в своей жизни просто классическую немую сцену. Все присутствующие тогда в тактическом – командиры, дивизионные спецы и начальники – враз подняли свои головы и замерли в тех позах, в каких были застигнуты вестью о твоём культпоходе. Никогда прежде я не видел, чтобы такое количество взрослых людей, офицеров, одновременно вошли в ступор.

Это молчание длилось, наверное, с минуту. Наконец Бзикинов опомнился:

– А кто его отпустил?

Головы всех, как по команде, повернулись в мою сторону.

Но теперь был уже не мой выход. Теперь, в полном соответствии со сценарием, должен был подавать свою реплику замкомдив. Что он благополучно и сделал:

– Я его отпустил. Сегодня до 23 часов я обеспечиваю у него на корабле вместе с Мореловым.

Всё, крыть комдиву было нечем. Подольский имел право тебя отпустить.

Вновь наступила тишина. Я бы сказал, несколько гнетущая. Но она длилась уже не столь долго, как первый раз, всего лишь секунд 15. А после этого, пом, всех вдруг одновременно прорвало.

Первым выразил свои чувства командир 112-го:

– Ёп... тап... тудап! Человек элементарно пошёл в театр! А мы тут сидим, потеем, как яйца в инкубаторе, морщим свои лобные кости и воспринимаем этот заурядный факт, как нечто сверхъестественное! Трам... па... пам! Да пропади она пропадом, такая жизнь!

И понеслось на выдохе:

– Пашем, как каторжане на галерах! Только что не прикованы. – Ни выходных, ни проходных! – Нет, два выходных есть: один – зимой, другой – летом! – Сидим на этих кораблях – безвылазно! Вот жизнь корабл...дская! – Дети скоро узнавать перестанут! – А я уже начал забывать, как Гамлета звали...

Говорили все враз, вместе, не обращая друг на друга внимания и перебивая один другого.

Кто-то вспоминал и никак не мог вспомнить, когда и где он последний раз был в театре. Кто-то кричал, что он с женой не то что в театр, в кино сходить не может, так как на это нет времени. А на службу время всегда имеется! Дивизионный артиллерист заявил, что вся наша культурная жизнь на берегу тупо упирается в кабаки «Вулкан» и «Авача», как корабельные артустановки упираются своими стволами в синее небо.

Наконец, все сошлись на одном:

– Мужики, что с нами случилось?

Командиры давали себе эмоциональную разрядку, никто из них не стеснялся ни в выражениях, ни в жизненных примерах. Они говорили как будто несколько в сторону, но всем было абсолютно ясно, что вся эта боль души моряков предназначалась командованию дивизиона. Бзиконов попытался было обратить всё в шутку, но его практически никто уже не слушал и не воспринимал.

Потом все повернулись ко мне, и посыпался град вопросов уже в мой адрес:

– Зам, что за пьесу сегодня ставят?

– Во сколько начинается спектакль?

– Кто автор?

– Во сколько спектакль заканчивается?... и т. д., и т. п.

Ну, помощник, ты можешь собою гордиться – тебе удалось сорвать вечерний доклад. До тебя это ещё никому не уда-

валось, насколько я знаю. Командиры доложились скомкано и по-быстрому. После этого все вышли из тактического, собрались у корня пирса, закурили, и обсуждение темы продолжилось уже на открытом воздухе. Я выкурил сигарету и пошёл на корабль. Когда все разошлись, не могу сказать. Д-а-а, зацепил ты всех за живое...»

Конец цитаты.

Месяца полтора-два спустя после описываемых событий офицеры с кораблей нашего и соседнего дивизионов всё ещё спрашивали меня о моём походе в театр.

Ну, и «под занавес».

Как утверждал Уильям Теккерей, наша жизнь весьма похожа на грандиозную ярмарку, где каждый из нас, как в спектакле, исполняет свою роль. Ту, что сам для себя выбрал. Вы помните, как он заканчивает свой знаменитый роман «Ярмарка тщеславия»?

Цитирую:

«Ах, *vanitas vanitatum* (суета сует – лат.)! Кто из нас счастлив в этом мире? Кто из нас получает то, чего жаждет его сердце, а получив, не жаждет большего?.. Давайте, дети, сложим кукол и закроем ящик, ибо наше представление окончено».

Хотим мы этого или нет, но прекрасное никогда не оставляет нас, оно всегда присутствует в нашей жизни. Правда, мы далеко не всякий раз способны его заметить. Оно осторожно стучится в двери наших сердец, но мы не всегда слышим этот стук. А ведь в конечном счёте оно может облагородить нашу душу, сделать нас лучше. И только от нас зависит, как мы среагируем на это прекрасное, ощутим ли, уловим ли его воздушное очищающее дыхание. Именно мы выбираем, какими нам быть личностями, и сможем ли мы оставить после себя что-то стоящее, то, что без опасений и сожаления, с лёгким сердцем и спокойной душой могли бы передать своим потомкам и другим людям.

И может быть, имеет смысл, пока мы ещё живы, задуматься над тем, ЧТО будут говорить о нас после того, как отойдём мы в мир иной? А вы как думаете?